

*Библиотека
журнала
«Вопросы образования»*

Who's Afraid of the Big Bad Dragon?

*Why China Has the Best
(and Worst) Education System
in the World*

YONG ZHAO

Кто боится большого злого дракона?

*Почему в Китае лучшая
(и худшая) система
образования в мире*

ЧЖАО ЮН

Перевод с английского
ИРИНЫ ПОЛОНСКОЙ
под научной редакцией
АЛЕКСАНДРА ЮРКЕВИЧА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2017

УДК 37.01(510)
ББК 74.04(5Кит)
Ч-57

Редакционный совет серии

ЯРОСЛАВ КУЗЬМИНОВ, ИСАК ФРУМИН,
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ, ЕЛЕНА ПЕНСКАЯ,
МАРИЯ ЮДКЕВИЧ, СЕРГЕЙ ФИЛОНОВИЧ,
ЛЕВ ЛЮБИМОВ, АЛЕКСАНДР СИДОРКИН,
ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВ,
ВИКТОР БОЛОТОВ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор перевода

АЛЕКСАНДР ЮРКЕВИЧ

Перевод книги: Yong Zhao. Who's Afraid of the Big Bad Dragon? Why China Has the Best (and Worst) Education System in the World published by Jossey-Bass, a Wiley Brand <www.josseybass.com>. This translation is published under license with John Wiley & Sons, Inc.

Фотография на обложке: © 2015 Veroniricy / Wikimedia Commons / CC-BY-SA-4.0 <补课.png>

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

ISBN 978-1-118-48713-6 (англ.)

Copyright © 2014 by John Wiley & Sons, Inc.
All rights reserved.

ISBN 978-5-7598-1521-1 (рус.: в пер.)
ISBN 978-5-7598-1626-3 (рус.: e-book)

© Перевод на русский язык. Издательский дом Высшей школы экономики, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Чем болеет «большой дракон»,
или Кого и что критикует
профессор Чжао Юн
(Александр Юркевич) 7
- Выражение признательности 21
- Введение.
Роковое влечение:
самоубийственное стремление Америки
к превосходству в образовании 23
- ГЛАВА 1.
ОДУРАЧИВАЯ КИТАЙ,
ОДУРАЧИВАЯ МИР:
ИЛЛЮЗИИ ПРЕВОСХОДСТВА 39
- ГЛАВА 2.
ИГРА ИМПЕРАТОРОВ:
СОВЕРШЕННЫЙ МЕХАНИЗМ
ГОМОГЕНИЗАЦИИ 63
- ГЛАВА 3.
ПРАВИТЬ НЕ УПРАВЛЯЯ:
ОТХОД ОТ АВТОРИТАРИЗМА
И КИТАЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
БУМ 91
- ГЛАВА 4.
КОЛЕБЛЮЩИЙСЯ УЧЕНИК:
КОЛЛИЗИИ «ВЕСТЕРНИЗАЦИИ
НАПОЛОВИНУ» 122
- ГЛАВА 5.
КАК ОДУРАЧИТЬ ИМПЕРАТОРА:
ПРАВДА О СПОСОБНОСТИ КИТАЯ
К ИННОВАЦИЯМ 153

ГЛАВА 6.

АД НА ПУТИ В РАЙ:
КАК ДЕЛАЕТСЯ ЛУЧШЕЕ —
ОНО ЖЕ И ХУДШЕЕ —
ОБРАЗОВАНИЕ В МИРЕ 190

ГЛАВА 7.

ВЕДЬМА, КОТОРУЮ
НЕВОЗМОЖНО УБИТЬ:
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ
И ОТСТУПЛЕНИЯ 222

ГЛАВА 8.

ИМПЕРАТОР ГОЛЫЙ:
УЧИМСЯ НА ОПЫТЕ КИТАЯ,
ЧЕГО НЕ СЛЕДУЕТ ДЕЛАТЬ 255

Библиография 290

Об авторе 298

Отзывы о книге 300

*Чем болеет «большой дракон»,
или Кого и что критикует профессор Чжао Юн*

Автор этой книги Чжао Юн¹ — специалист по проблемам организации образования, методист и педагог, уже без малого четверть века работающий в университетах и научных учреждениях Запада, главным образом в США. Но до 1992 г. он жил и учился в КНР, а впоследствии продолжал следить за развитием образования на родине и поддерживать контакты с китайскими коллегами. Поэтому он имеет возможность оценить проблемы средней и высшей школы Китая с позиций ее воспитанника и одновременно — глазами человека, глубоко интегрированного в западную академическую среду.

Заглавие книги недвусмысленно предупреждает о том, что разговор так или иначе затронет тему реальной или гипотетической угрозы кому-то или чему-то со стороны Китая. Уже данное об-

¹ Фамилия автора — Чжао, имя — Юн. По китайским правилам (которые соблюдаются также в западной научной литературе и в официальных международных документах) сначала пишется (как и произносится) фамилия, затем — односложное или двусложное имя (например: Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и т.п., где Мао и Дэн — фамилии; при этом в транслитерации написание инициалов вместо полных имен не допускается). В западной литературе нередко применяется инверсированная форма написания китайских имен и фамилий, когда имя стоит на первом месте, что представляется естественным западному широкому читателю и редакторам популярных изданий. В английском оригинале данной книги китайские имена и фамилии передаются то на китайский, то на европейский манер. В русском переводе соблюдается корректный способ передачи китайских фамилий и имен, за исключением библиографических записей, где оставлены последовательности, избранные редактором английского текста. Сокращения китайских имен до инициалов в библиографических записях, не принятые в научных текстах, но обычные в популярных публикациях на западных языках, оставлены в том виде, в каком они присутствовали в английском тексте. — А. Ю.

стоятельство должно обеспечить работе Чжао Юна внимание российской читательской аудитории. Для наших социально и политически активных сограждан тема силы и слабостей Китая, его способности быть источником полезных заимствований или опасности представляет далеко не отвлеченный интерес. Кто-то усматривает в преуспевающем восточном гиганте вызов России, кто-то — воплощенный укор отечественному истеблишменту, не обеспечившему родному государству столь же высокие темпы экономического и технологического развития. И те и другие найдут в книге немало любопытных сведений о развитии образования в Китае и попытках адаптации страны к изменяющейся ситуации в мире, предпринимаемых в разные исторические периоды, интересных рассуждений о трендах и перспективах китайской и западной педагогики.

В том, что Китай достиг впечатляющих успехов и на ниве подготовки квалифицированных трудовых ресурсов, не позволяют усомниться данные статистики. Еще в 2009 г. число студентов вузов в Китае достигло 20 млн. Мы ежегодно видим университеты КНР в мировых топ-100 и топ-200 по разным версиям, в подавляющем большинстве случаев далеко впереди лидеров российской высшей школы — численно и по месту в списке (за исключением разве что репутационных рейтингов, где выручает слава МГУ и ЛГУ советских времен). Легко соотнести эти данные с ростом ВВП страны (в 56 раз с 1980 г., в 2016 г. — 11 383 млрд долл. против 1132,7 в России). В 2009 г. весьма впечатлила зарубежных аналитиков и прессу, как показывает Чжао Юн, победа шанхайских 15-летних школьников в тестировании, проведенном в рамках Программы международной аттестации

учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA) (см. с. 258–259). На следующем тестировании, в 2012 г., шанхайские подростки добились высшего результата по математике (более 600 баллов) и стали лучшими в конкурсе по естественным наукам, а задания по «чтению» (включающие понимание и усвоение содержания текста) на их уровне выполнили лишь школьники Тайваня, Южной Кореи, Гонконга и Сингапура. Россия тогда оказалась в четвертом десятке, уступив в том числе Хорватии.

И тем не менее Чжао Юн категорически отрицает правомерность высоких оценок современной китайской системы образования. Она только внешне выглядит преуспевающей, уверяет он, и лишь постольку, поскольку о ней предлагается судить на основании не слишком удачных критериев. В своем очерке истории образования в Китае он показывает, как там столетиями складывался специфический комплекс императивов и навыков, формировавших культуру высококлассных «сдатчиков экзаменов» (с. 28). Этот комплекс, по мнению автора книги, при всех исторических изменениях действует до сих пор. Он жестко ориентирован на нормы и критерии, предлагаемые властью, и обеспечивает отбор элиты по принципу верности заданному нормативу. Но при этом жестко подавляет творческое начало, способность к нестандартному мышлению, отходу от канонов.

Отсюда вывод: китайского дракона не следует бояться. Ему вряд ли суждено обойти развитые страны в научно-техническом развитии, а его экономические успехи объясняются главным образом удачным использованием конкурентных преимуществ, прежде всего дешевизны рабочей силы, и эти преимущества иссякают (с. 256).

Однако, полагает автор, превосходство «свободного мира» останется незыблемым лишь при одном непереносимом условии: если этот мир не вздумает подражать китайскому «авторитарному капитализму», приняв его недостатки за причины успеха (с. 33), и сам не «превратится в Китай» (с. 37).

А возможность «превращения в дракона», прямо-таки по сюжету известной сказки, реальна, доказывает Чжао Юн. Вопреки заглавию, которое словно бы обещает некую интригу в поисках тех, кто робеет перед авторитетом китайского чуда, автор перечисляет их в первой же главе. Причем среди убоявшихся оказывается немало восторженных поклонников Китая, высоко оценивающих опыт его развития. Среди них эпатажный колумнист «New York Times» Томас Фридман, объявивший китайскую систему управления весьма эффективной; создатель концепции «Пекинского консенсуса» Джошуа Рамо, увидевший в китайском опыте политического и экономического строительства образец для развивающихся стран и антитезу «Вашингтонскому консенсусу», основанному на рецептах либерально-демократических преобразований и свободного рынка; британские и американские апологеты китайской «мягкой силы» и прочие западные интеллектуалы, призывающие учиться у Китая. И те, кто страшится «большого злого дракона» и боится отстать от него, и те, кто усматривает в его примере здоровую альтернативу западным политическим, экономическим и образовательным моделям, по Чжао Юну, упускают из виду хронические недостатки китайской системы подготовки кадров. Она представляет собой «эффективно работающую машину для внушения того, что — согласно желанию властей — должны усвоить ученики», од-

нако «неспособна поддерживать индивидуальные дарования, культивировать разнообразие талантов и стимулировать способность и решимость творить» (с. 36), в которой так нуждается современное общество. Поэтому не многие выпускники китайских колледжей находят себе применение за рубежами Китая — лишь 10% из них признаются годными для работы в мировом бизнесе (с. 37–38).

Как может убедиться читатель, рассуждения Чжао Юна, подкрепленные экскурсами в историю, мнениями экспертов и нелицеприятными для Китая фактами, вполне способны вызвать доверие. Он доказывает, что достижения Китая в сфере образования сводятся главным образом к воспитанию «выдающихся мастеров *тестирования* (курсив мой. — А. Ю.)» (с. 256). Того самого метода проверки знаний, который уже давно вошел в нашу жизнь и решительно отстаивается ответственными за образование государственными органами — прежде всего как орудие победы над субъективизмом, предвзятостью и коррупцией при поступлении в вузы. И, что любопытно, заимствовано это орудие отнюдь не из китайской древности, а из самой что ни на есть современной практики развитых стран.

О том, что решающее тестирование категорически не устраивает Чжао Юна не только в Китае, но и в ставшей родной для него Америке, говорит уже первая глава его книги. Она начинается с критики не китайских, а американских реалий. Автор показывает, как упор на формальные критерии успеха образовательных учреждений ведет к подлогам и злоупотреблениям в самом сердце «свободного мира». Стандартизованное тестирование, за которое ратуют близкие к официальным кругам педагоги и теорети-

ки образования как за панацею, для Чжао Юна «сделка Фауста, в которую она (Америка) вступила с дьяволом авторитаризма» (с. 29). Итогом этой сделки станут «утрата ценностей, которые помогли Америке стать самой процветающей и развитой страной» — и неизбежная потеря «времени, ресурсов и возможностей, необходимых для того, чтобы создать новое образование, способное, как прежде, лидировать в мире» (с. 29).

Сам Чжао Юн выступает за создание такой системы образования, «которая культивировала бы индивидуальные способности, шла за интересами детей и стимулировала их социально-эмоциональное развитие» (с. 37). И готовить она призвана «компетентных на глобальном уровне, творческих, инновационно мыслящих, предприимчивых граждан, которые стали бы создателями рабочих мест, а не искателями их, обладающими ограниченным менталитетом наемных работников» (с. 37).

Примечательно, что предыдущая книга Чжао Юна, вышедшая в 2012 г., называется «Ученики мирового класса: обучение креативных и предприимчивых учащихся». У него есть собственные взгляды на организацию образования, а также методические разработки, которые он готов предложить для внедрения в практику. И которые очевидно идут вразрез с некоторыми тенденциями в развитии среднего и высшего образования.

Но неужели же автор всерьез полагает, что перепуганные усилением красного Китая американские officials обезумеют настолько, что в панике примутся внедрять его опыт у себя дома?

Вряд ли. Чжао Юн всего лишь подвергает критике не устраивающие его тенденции в американском образовании — и делает это довольно дипломатично. Обрушивая свой обличительный

пафос главным образом на некогда бедную, а теперь вполне состоятельную родину — олицетворение мирового авторитаризма, он демонстрирует абсурдность ситуации, когда признанные борцы с авторитаризмом зарубежным сами поражены этим недугом.

Нет, он не призывает Запад видеть в Китае непосредственную угрозу своему господству. Опасность, по Чжао Юну, исходит от таких моделей в сфере образования, которые в случае их применения (заимствования ли?) станут губительными для таких исконно западных ценностей, как свобода личности, инициативность и предприимчивость. Чтобы доказать это, он и показывает органичность тех принципов, что лежат в основе ущербной организации познания, для китайской социально-политической культуры с ее традициями государственного диктата и идеологического контроля во всех сферах общественной жизни.

В результате диагностика хворей западной системы образования западному же читателю книги подается как анализ патогенеза хронических заболеваний, которыми страдает китайская концепция обучения и воспитания.

По Чжао Юну, она повинна в поощрении социальной конкуренции, которая проявляется в яростной борьбе китайских выпускников школ за поступление в элитарные университеты, где конкурс доходит до сотни человек на место; ответственна за колоссальную моральную нагрузку на участников ежегодного единого вступительного экзамена в вузы (гаокао), за истязания школьников честолюбивыми родителями, за психические срывы неудачников, за создание индустрии натаскивания на выполнение тестовых заданий в ущерб развитию творческого мышления и инициативы, за отсутствие внима-

ния к нуждам людей с ограниченными возможностями, которые не получают шанса на развитие своих особых дарований в рамках стандартной системы образования, и многие другие неприятные реалии китайской жизни. Трудно сказать, насколько Чжао Юн рассчитывает на то, что американские функционеры, отвечающие за образование, устыдятся соблазна формализации оценок и критериев качества обучения, который толкает на скользкую дорожку авторитаризма, укорененного в эпохе мандаринов и пестуемого коммунистическим режимом. Но то, что автор пытается убедить читателя в пагубности тех принципов, которые ныне активно, с энтузиазмом и в массовом порядке внедряются в мировую образовательную практику, и хотел бы расширить ряды своих единомышленников, очевидно.

Чжао Юн весьма прозрачно намекает на действительный объект своей критики, начиная изложение с описания безобразий, творимых ретивыми американскими чиновниками от педагогики, и прямо связывает их с усилением авторитарных тенденций в образовании США (с. 23–33). Приводит он и нелицеприятные отзывы специалистов о методиках тестирования, применяемых PISA. Предлагаемые ею тесты, заключает Чжао Юн, позволяют продемонстрировать всего лишь способность выполнять строго определенные задания по ограниченному числу предметов (с. 60–267).

Примечательно, что расширение состава китайских участников тестирования в 2015 г., когда к шанхайской элите присоединились школьники Пекина, провинций Цзянсу и Гуандун, показало резкое снижение результатов: 10-е место по естественным наукам, 6-е — по математике и посредственные успехи в «чтении». Что не очень

огорчило китайскую сторону — в КНР прекрасно понимают условность и ограниченность критериев, применяемых организаторами испытания.

Но насколько автор прав в критике именно китайской системы образования? И как точно определяет истоки и причины тех недостатков, которые равно присущи и ей, и образовательным институтам «свободного мира»?

И отзывы моих коллег-китаистов, учившихся в Китае, и собственный опыт академического общения с китайскими студентами и аспирантами, и публикации зарубежных специалистов по китайской педагогике однозначно говорят о том, что воспитание творческой самостоятельности и инициативности, тяги к новациям в области теории действительно трудно назвать сильной стороной китайской высшей школы. В то же время было бы явным и несправедливым преувеличением считать выпускников китайских вузов поголовно неспособными к творчеству. Отзывы о неготовности большинства из них к работе в мировом бизнесе, на которые ссылается Чжао Юн, во-первых, относятся к 2005 г., а с тех пор многое в китайском образовании и в мире изменилось, во-вторых, никак не умаляют успехов китайских деловых кругов, вполне уверенно чувствующих себя на международной арене.

В то же время Чжао Юн относит к признакам авторитаризма и такие качества китайских учащихся, которые никак не препятствуют творческому началу. Так, воспитанники «авторитарных систем» — выходцы из России, а также из Индонезии, Сингапура, Китая и других восточных стран — существенно реже своих западных сверстников относят неудачу в прохождении тестирования на счет промахов преподавателей, плохо объяснивших материал или правила выполнения задания. По Чжао Юну, это отчетливое

проявление слепой веры в непогрешимость наставника и неуверенности в себе (с. 35, 270–273). Возможно, будущим организаторам бизнеса и созидателям рабочих мест умение признавать свои ошибки ни к чему. А вот инженерам и медикам такое качество вполне бы подошло. В стремлении «перевести стрелки» на преподавателя, скорее, просматривается влияние известной тенденции к трансформации образования в «образовательные услуги», что закономерно подразумевает и апелляции по поводу «недолжного качества».

Акцент, который делает Чжао Юн на аргументы в пользу создания в сфере образования настолько творческой атмосферы, что она обеспечит массовое производство успешных бизнесменов и управленцев (см., например, с. 282–283), обусловлен спецификой интересов и ожиданий западной «целевой аудитории» книги. И тот же акцент вкупе с задачами критики авторитаризма китайского образца, видимо, не позволил автору прямо назвать причины так возмущающего его формального подхода к оценке качества образования. Которые не объяснишь ни традициями, ни пагубным влиянием «злого дракона», способного научить плохому демократический мир.

Попробуем вчерне определить эти причины за профессора Чжао Юна — в чисто гипотетическом ключе, разумеется.

С последней трети XX в. развитие и наиболее успешные из развивающихся стран мира стали переходить к массовому высшему образованию. Количество обладателей университетских дипломов возросло многократно. Опережающими темпами стало увеличиваться число учебных дисциплин и специализаций, требующих не прониновения в глубины мировой культуры и

освоения фундаментальных наук, но значительного объема практических знаний, умений и навыков, позволяющих решать проблемы текущего функционирования общества и государства. Бизнес и менеджмент стали знаменем нового витка прогресса в сфере образования. В растущем управленческом аппарате специалистов-технократов все интенсивнее стали вытеснять профессиональные менеджеры. Дабы «быть в тренде», руководители из числа узких (других, вообще-то, не бывает) специалистов усваивают принципы и ценности, способствующие успеху в мире политиков и деловых людей широкого профиля.

Естественно, что управленец-универсал (так же, как политик, курирующий ту или иную отрасль) испытывает потребность в максимально понятных и прозрачных для неспециалиста критериях оценивания работы тех систем, которые волею судеб попадают в зависимость от него. И не секрет, что его идеалы не всегда вмещаются в прокрустово ложе косных технократических представлений. Например, преподаватель иностранного языка привык считать, что увеличение числа учеников в группе ведет к снижению уровня их знаний и, следовательно, к падению эффективности его труда. Менеджер легко посрамит эти дилетантские выкладки с цифрами в руках: очевидно, что если преподаватель в течение академической пары окупит не 10, а 20 учащихся, то эффективность его деятельности возрастет вдвое.

Пример, конечно, грубый — зато взят из жизни.

И станет ли лучше обществу, если его система образования, как хочет Чжао Юн, окончательно переориентируется на воспроизводство прежде всего организаторов бизнеса, — тоже вопрос.

Представим себе государство, функционирующее по принципам ООО. Впрочем, это что-то знакомое.

Так или иначе, представляемая вниманию читателя книга заслуживает того, чтобы прочесть ее внимательно. И оценить как аргументацию автора, так и его намерения. Диагноз тенденциям в современной системе образования — и отнюдь не только китайской — он поставил в целом верно. А потому поиск средств исцеления — проблема интернациональная. Об этом говорят и заключительные слова автора о том, что модель образования, «которая отвечала бы требованиям глобального будущего» (с. 289), еще предстоит создать. Всем вместе.

*Александр Юркевич,
кандидат исторических наук,
доцент Школы востоковедения НИУ ВШЭ*

*Моим родителям,
подарившим мне свободу
быть самим собой*

Выражение признательности

Раздел, посвященный выражению благодарности, всегда наиболее сложная часть работы над книгой, так как нет возможности перечислить всех тех, благодаря кому она возникла. В данном случае это особенно трудно сделать, поскольку книга писалась очень долго и мне помогали множество людей.

Сама идея написать книгу о китайском образовании возникла у меня более десяти лет назад, когда я впервые увидел, что закон «Ни одного отстающего ребенка» воплощает в себе дух китайского образования. Но вместо того, чтобы написать книгу о Китае, я пришел к тому, что написал книгу об образовании в Америке: «Догонять или идти впереди: американское образование в век глобализации» (2009). Тем не менее меня никогда не оставляло намерение написать о китайской системе образования, и мой редактор в издательстве Jossey-Bass, Марджори Мак-Анени, убедила меня вернуться к этому проекту. Работа с Марджи стала для меня одним из самых приятных и полезных интеллектуальных приключений в жизни. Она вдохновляла меня и мягко наводила на нужную мысль, моя книга несет на себе явный отпечаток ее профессионализма и редакторской правки настоящего эксперта.

Высказанные в этой книге мысли — результат множества моих бесед с коллегами и друзьями во всех странах мира. Но несколько человек оказали на мое мышление очень значительное влияние и заслуживают особой признательности: Кейт Кирби, исполнительный директор Фонда образования Азии, Австралия; Тони Мак-Кей, директор Австралийского института преподавания и руководства школами; Чжун Биньлин, президент Китайского образовательного общества; Гао

Чэнь, директор Средней школы Северо-Востока для одаренных детей; Гилберт Чоу, основатель детского сада имени III Интернационала в Пекине; Сюй Яньяо, руководитель Пекинского канала консалтинга; Сунь Цицзюнь, директор Комиссии по образованию района Чаоян (Пекин); Лю Либин, уполномоченный директор Комиссии по образованию района Чаоян; Рон Бегетто, ассоциированный профессор Университета штата Коннектикут; Ричард Элмор, профессор Гарвардской высшей педагогической школы. Я благодарен также Вань Юйсян за помощь со ссылками, содержащими частичный перевод названий указанных мной веб-сайтов.

Как всегда, моя жена Си Чэнь была и читателем, и критиком, и вдохновителем первых набросков. Она направляла мое внимание на новые источники, заставляя мыслить и писать разнообразнее. Мой сын, работающий в арт-клубе в Чикаго, послужил отличным живым примером того, как много значат в образовании увлеченность и интерес. Моя дочь Афина была неисчерпаемым источником вдохновения и улыбок.

*Введение. Роковое влечение:
самоубийственное стремление Америки
к превосходству в образовании*

В 2009 г. Беверли Холл, бывшая тогда инспектором общественных школ Атланты, получила звание национального школьного инспектора года за «презентацию лучших из лучших» среди директоров общественных школ¹. Ее принимал в Белом доме министр образования Арни Дункан. В 2010 г. Американская ассоциация образовательных исследований удостоила ее своей премии «За выдающиеся заслуги перед обществом» (Distinguished Community Service Award), которой награждают в знак «признания исключительного вклада в развитие использования исследований и статистики в области образования»². Кроме того, в 2010 г. президент Обама назначил Холл членом элитного Национального совета по изучению образования.

А в 2013 г. Холл предстала перед судом штата Джорджия по обвинению в «нарушении закона о преступном влиянии и организации коррупционных действий, заведомо ложных устных и письменных высказываниях, клятвопреступлении и взяточничестве»³. Закон о преступном

¹ Atlanta School Leader Beverly Hall Named 2009 National Superintendent of the Year / press release. American Association of School Administrators. 2009. February 29. <<http://www.aasa.org/content.aspx?id=1592>>.

² American Educational Research Association Presents Annual Awards. 2010. May 2. <http://www.aera.net/Portals/38/docs/News_Media/News%20Releases%202010/Annual%20Meeting%20Awards.pdf>.

³ Grand Jury Indicts 35 in Connection with Atlanta Public Schools Cheating Scandal / media alert. Office of the Fulton County District Attorney. 2013. March 29. <http://www.11alive.com/assetpool/documents/130329074503_APS-Indictment-Announcement.pdf>.

влиянии и организации коррупционных действий обычно применяют в США к руководителям мафии. Если ее осудят, она получит 45 лет тюремного заключения.

Холл привело к падению именно то, что до этого сделало ее национальной героиней. Она завоевала всеобщее признание благодаря существенному улучшению результатов тестирования в общественных школах Атланты — одного из крупнейших в Америке городских школьных округов, причем такого, где преобладающую долю учеников составляют представители меньшинств. Но эти более высокие показатели, как выяснилось, были результатом не улучшения подготовки учеников, а заговора учителей и руководства школы. 34 человека — высокие чиновники, директора и учителя школ Атланты — предстали перед судом вместе с Холл по обвинению в «улучшении» результатов тестирования учащихся путем мошенничества. Общее же количество лиц, причастных к этому скандалу, было даже еще больше: как сообщалось, в аферу были вовлечены 178 директоров и учителей почти половины всех школ Атланты.

Этот случай — всего лишь один из множества разворачивающихся в Соединенных Штатах национальных скандалов. Знаменитые герои наградались почетными титулами и получали щедрые денежные премии за разительное повышение результатов тестирования, а потом оказывались избалованными в фабрикации документов. В 2012 г. Лоренцо Гарсия, бывший инспектор независимого школьного округа Эль Пасо в штате Техас, был приговорен к трем с половиной годам тюремного заключения за то, что «улучшил показатели» подведомственных ему школ, не допустив учеников с низкой успеваемостью на государственное тестирование.

Гарсия был дважды номинирован на звание «Инспектора года штата Техас». Мишель Ри, в прошлом попечитель общественных школ Вашингтона, округ Колумбия, была вовлечена в скандалы с мошенничеством вскоре после того, как вслед за резким повышением успеваемости в ее округе она стала национальной звездой — профигурировав во влиятельном документальном фильме «В ожидании Супермена», на обложках журналов «Time» и «Newsweek» и получив миллионы долларов в качестве финансовой поддержки своей новой организации «Первые ученики».

Скандалные случаи мошенничества были выявлены почти во всех главных школьных департаментах, сообщивших о значительном повышении успеваемости: в Хьюстоне, Лос-Анджелесе, Филадельфии и Нью-Йорке⁴. Самыми очевидными жертвами стали сотни тысяч ни в чем не повинных детей, непосредственно пострадавших от неэтичных, безнравственных и незаконных действий взрослых, работавших в системе школьного образования. Но пострадали и еще миллионы. Каково было тем школьникам, учителям и руководителям школ, которые не мошенничали и переживали из-за более низких результатов тестирования? В каком-то смысле жертвами являются даже сами инициаторы скандального мошенничества. Конечно, их могло побудить к этому стремление получить денежную премию и известность, ассоциируемые с более высокими результатами тестирования

⁴ В 2011 г. в докладе-расследовании «USA Today» было описано свыше 16 тыс. раскрытых случаев мошенничества в шести штатах и Вашингтоне, округ Колумбия. *Topro G., Amos D., Gillum J., Upton J.* When test scores seem too good to believe // USA Today. 2011. March 17. <http://usatoday30.usatoday.com/news/education/2011-03-06-school-testing_N.htm>.

(или желание избежать наказания за сообщения о низких результатах). Но вряд ли эти люди намеренно сделали своей профессией преподавательскую деятельность с целью травмировать детей ради собственной выгоды.

В этих скандальных случаях мошенничества прежде всего виновата сама система отчетности, в основу которой положены решающие процедуры контроля над успеваемостью. Введенная в 2001 г. президентом Джорджем Бушем (закон «Ни одного отстающего ребенка») и подкрепленная в 2009 г. инициативой президента Барака Обамы «Вперед к вершинам», основанная на решающем тестировании отчетность, непосредственно связывающая заработок работников системы образования с успеваемостью учеников, превратилась в мерило эффективности американского образования. Привязывая обильные вознаграждения и суровые наказания к баллам тестирования, полученным учениками, система тем самым создает мощные стимулы к мошенничеству. Контроль над успеваемостью учащихся со стороны работников учреждений образования гораздо слабее, чем предполагают авторы этой стратегии, и они намного меньше способны влиять на качество обучения. Особенно это верно в отношении учителей, работающих с бедным населением.

Если говорить о вреде ориентации на результаты тестирования, то пышно цветущее мошенничество — только верхушка айсберга. Как подчеркивают в своей книге «Сопутствующее разрушение: как решающие процедуры контроля над успеваемостью разлагают американское школьное образование» Шарон Николз и Дэвид Берлинер, такая «фабрикация документов» — только одно из многих разрушительных последствий тестирования, о которых сообщают родители,

учителя и исследователи⁵. Историк образования Дайана Равич в своей книге «Жизнь и смерть великой американской школьной системы: как тестирование и выбор подрывают образование» предупреждает, что решающие процедуры контроля над успеваемостью являются одним из множества симптомов угрожающего будущему Америки вируса⁶.

Этот вирус — поднимающаяся в Соединенных Штатах волна авторитаризма. В обмен на комфортную осведомленность о продвижении в учебе своих детей и успокоительную уверенность в том, что школы, в которых они учатся, находятся под контролем, американцы допустили внедрение решающего контрольного тестирования в общественное образование. Однако не обладая преимуществом исторического опыта в использовании такого рода решающего контроля, американцы не смогли распознать в безобидных с виду тестах троянского коня с опасным призраком внутри. Этот призрак — авторитаризм — видит в образовании способ вложить во всех учеников одни и те же знания и навыки, которые власть считает наиболее ценными.

Несмотря на скандальные случаи мошенничества и их гнетущее воздействие на учеников, Америка не проявляет готовности избавиться от их виновника. Многие американцы все еще верят в необходимость стандартизированных тестов и в то, что проблемы вроде широкого распространения мошенничества можно решить достаточно легко. Поскольку скандалы, связан-

⁵ Nichols S., Berliner D. Collateral Damage: How High-Stakes Testing Corrupts America's Schools. Cambridge, MA: Harvard Education Press, 2007.

⁶ Ravitch D. The Death and Life of the Great American School System: How Testing and Choice Are Undermining Education. N.Y.: Basic Books, 2010.

ные с мошенничеством в школьном образовании, получили публичную огласку, наибольшее внимание уделялось преступлениям отдельных индивидов и техническим решениям, которые могли бы их предотвратить, — от ужесточения наказаний до повышения контроля над процедурой тестирования и разработки более совершенных тестов. Политические лидеры отвергли требование запретить любое решающее тестирование. Министр образования Арни Дункан сказал, что, хотя он и «потрясен» скандальным мошенничеством в Атланте, эта проблема «из легко решаемых, — стоит только повысить контроль над тестированием»⁷. Большинство родителей поддерживают стандартизированное тестирование и использование учителем его результатов при выставлении оценки. Стандартизированное тестирование поддерживают даже некоторые педагоги-теоретики и руководители школ, в том числе два крупнейших профессиональных объединения: Американская федерация учителей и Национальная ассоциация образования.

Как раз в этом и трагедия для Америки, и именно поэтому я написал эту книгу.

История китайского образования демонстрирует весь диапазон трагических событий, могущих происходить в условиях авторитарного правления. Китай — одно из самых совершенных воплощений авторитарного образования — сформировал превосходных «сдатчиков экзаменов», создавших простоявшую тысячелетия великую цивилизацию, но не смог вырастить таланты, которые оказались бы способными в

⁷ Secretary of Education 'Stunned' by Scandal. 11 Alive. 2011. July 6. <http://www.11alive.com/news/article/196896/40/Secretary-of-Education-stunned-by-scandal?_hstc=215845384.d6c6693f407f802334dab4314f40436c.1365186589630.1365186589630.1365186589630>.

1800-е годы защитить страну от атак западных стран, опиравшихся на передовые для того времени технологии и науку. С тех пор Китай и пытается уйти от своей традиции авторитарного образования. Хотя он уже успел извлечь для себя пользу из постепенного отхода от диктатуры государства, о чем свидетельствует его недавний невероятный экономический рост, но авторитаризм все еще не отпустил бразды правления.

Техническими мерами невозможно положить конец мошенничеству и связанным с ним скандалам, вреду и потрясениям для общества. Сокращение количества решающих стандартизированных контрольных процедур мало что даст для ограничения их разрушительного влияния. Причиняемый авторитаризмом вред намного серьезнее, чем потери учебного времени, уходящего на тестирование, сокращение обучающих практик для учащихся, деморализация учителей. Гораздо более глубокая трагедия — утрата ценностей, на которые традиционно ориентировалось американское образование, тех ценностей, которые помогли Америке стать самой процветающей и развитой страной в мире. Уничтожьте эти ценности, и вместе с ними уйдет созидательная сила культуры, в которой ценятся различия и уважается индивидуальность. Будут утрачены также и время, ресурсы и возможности, необходимые для того, чтобы создать новое образование, способное как прежде лидировать в мире.

Решающие процедуры контроля над успеваемостью для Америки — сделка Фауста, в которую она вступила с дьяволом авторитаризма. В условиях авторитарного режима, который его и породил, неуважение к учителям как профессиональному сообществу, нарушение их коллегиальной автономии превозносятся как харак-

теристики управления, осуществляемого жестко и всерьез, связанного с высокими ожиданиями. Беверли Холл сделали национальным инспектором года за то, что она «демонстрировала приверженность к установлению высоких стандартов и для учеников, и для персонала школ»⁸. Как указывалось в репортаже «New York Times» 2012 г., эта приверженность превратилась в авторитарное руководство: «Годами Беверли Л. Холл, бывший местный школьный инспектор, держала подчиненных в страхе». Директорам школ было сказано, что, если результаты государственного тестирования окажутся недостаточно высокими, они будут уволены, — и за десять лет пребывания Холл в должности 90% из них действительно были заменены. «Во время собраний в административном здании штата Джорджия рядовые работники подвергались унижениям, — сообщает дальше «New York Times» еще один пример того, как «Холл держала подчиненных в страхе». — Доктор Холл разрешала директорам школ, у которых были самые высокие результаты тестирования, занимать места прямо возле нее, а те, у кого результаты были самыми низкими, надолго застревали в отдалении, на открытых трибунах». Более того, «по городу она ездила с водителем, часто в сопровождении помощников и охраны. Во время ее публичных выступлений вопросы нужно было представлять заранее для сортировки»⁹.

Еще один предприимчивый руководитель, которого превозносили за его чудеса, — бывший

⁸ Atlanta School Leader Beverly Hall Named 2009 National Superintendent of the Year...

⁹ Winerip M. A New Leader Helps Heal Atlanta Schools, Scarred by Scandal // New York Times. 2012. February 20. <<http://www.nytimes.com/2012/02/20/education/scarred-by-cheating-scandal-atlanta-schools-are-on-the-mend.html?pagewanted=all>>.

инспектор школ Эль Пасо Лоренцо Гарсия. Он не допустил почти половину учеников, пригодных для обучения в десятом классе, к экзамену на право поступления туда — не давая им возможности зарегистрироваться в школе, оставляя в девятом классе или направляя сразу в одиннадцатый класс. Несмотря на то что о его действиях знали — и их расследовали — и Департамент образования США, и Образовательное агентство штата, дважды он благополучно выходил из положения, «потому что в его руках карьеры людей... Если бы вы сказали ему “нет”, то были бы уволены», — заявил NPR директор Центра образовательных услуг Эль Пасо Марк Эммануэль Мендоза¹⁰. В Эль Пасо проживает много иммигрантов из Мексики, и Гарсия эксплуатировал также страх их сообщества перед судом, страх перед пограничной службой и доверие к системе школьного образования. По словам Линды Роме-ро, секретаря по профилактике случаев незавершения образования, которая и забила тревогу, не допущенные к экзамену ученики десятого класса «чувствовали себя так, как будто сделали что-то плохое»¹¹.

Очарованная авторитаризмом, администрация Обамы постоянно пренебрегает законом, не говоря уже о поддержании в состоянии контролируемого равновесия американской демократии. Вместо того чтобы после истечения сро-

¹⁰ Sanchez C. El Paso Schools Cheating Scandal: Who's Accountable? // NPR. 2013. August 10. <<http://www.npr.org/2013/04/10/176784631/el-paso-schools-cheating-scandal-probes-officials-accountability>>.

¹¹ Michaels P. Faking the Grade: The Nasty Truth behind Lorenzo Garcia's Miracle School Turnaround in El Paso // Texas Observer. 2012. October 31. <<http://www.texasobserver.org/faking-the-grade-the-nasty-truth-behind-lorenzo-garcias-miracle-school-turnaround-in-el-paso/>>.

ка действия отправить на доработку закон «Ни одного отстающего ребенка», президент Обама и его министр образования выдали штатам отказные документы, освобождающие их от обязанности исполнять этот закон в обмен на их готовность принять пожелания администрации. Штаты ответили согласием, и Конгресс большинством голосов не осудил действия администрации, если не снял с нее всякую ответственность за них.

Из-за этой замороженности авторитаризмом 50 млн американских детей де-факто учатся по единой общегосударственной программе, а затем фактически же подвергаются общегосударственному стандартизированному тестированию. Общественный Центр инициативы по внедрению государственных стандартов (CCSS), созданный на небольшие вложения народа или его представителей, теперь почти во всех штатах поддерживается долларами налогоплательщиков. Хотя федеральное правительство технически не оплачивало развитие Центра и официально не утверждало его стандартов, но миллиард долларов, вложенный в программу «Вперед к вершинам», требовавшийся на принятие общих стандартов и критериев оценки знаний, несомненно, помог такому расширению CCSS.

Из-за одурманенности авторитаризмом американцы добровольно отдали свои любимые местные органы самоуправления под контроль властей штата и федеральной власти. Выбранные на местах школьные советы превратились в бюрократические ответвления правительства штата и федеральной власти, так как на самом деле они лишь собирают местные налоги. Потом они пользуются деньгами налогоплательщиков, чтобы выполнять пожелания властей штата и федеральных властей, касающиеся учебной про-

граммы, педагогических методов и критериев оценки знаний.

Эта одурманенность авторитаризмом заставляет Америку видеть предмет восхищения и подражания в других авторитарных системах образования, превознося их за то, что они дают зримые «результаты», под которыми подразумеваются баллы тестирования. Вместо того чтобы ценить то, что способны приносить методы собственной системы образования, американские лидеры завидуют странам с наиболее высокими результатами тестирования по ограниченному ряду учебных предметов, что просто есть признак того, насколько эти страны преуспели в гомогенизации своих школьников. Ошибочно принимая проявления несостоятельности Китая за секреты его успеха, американские теоретики образования и политические лидеры жадно хотят учиться у системы образования, которая представляет собой квинтэссенцию авторитаризма. Ирония в том, что они делают это, одновременно критикуя авторитарную политическую систему Китая.

Стратегию выживания китайского народа, создававшуюся для того, чтобы выстоять в условиях тысячелетий авторитарного правления, стали превозносить как секрет успеха китайского образования. В Соединенных Штатах широко распространено представление, что китайцы очень высоко ценят образование¹². Уверенность в этом используется для объяснения успехов в

¹² *Tucker M. Chinese Lessons: Shanghai's Rise to the Top of the PISA League Tables. Washington, DC: National Center on Education and the Economy, 2014; Kai-ming Cheng. Shanghai: How a Big City in a Developing Country Leaped to the Head of the Class // Surpassing Shanghai: An Agenda for American Education Built on the World's Leading Systems / ed. by M. Tucker. Cambridge, MA: Harvard Education Press, 2011. P. 21–50.*

учебе китайских школьников; она используется и для того, чтобы возложить вину за невысокие результаты тестирования на американцев в целом и некоторые расовые и культурные группы в частности.

Однако эта уверенность — в лучшем случае иллюзия, а в худшем — злонамеренное превозношение авторитаризма. У китайцев не было никакого другого способа добиться успеха в жизни, как духовного, так и материального. Единственная возможность для них состояла в сдаче экзаменов, установленных носителем абсолютной власти — в прошлом императорами, а сегодня правительством. Когда люди убеждены в том, что в жизни нет другой достойной альтернативы, кроме тесного пути, предписанного авторитарной властью, они вынуждены подчиняться, поддаваться индоктринации и подвергаться гомогенизации. По этой же причине китайским родителям приходится щедро вкладывать в образование своих детей и подготовку к тестированию; эти их усилия несколько компенсируют недостаточность инвестиций государства в образование. Когда обозреватели превозносят китайскую систему образования за эффективность — минимальные государственные инвестиции приносят огромную отдачу, выраженную в результатах тестирования, — они при этом оставляют незамеченными те ресурсы, которые вносят в этот процесс китайские родители.

Китайцев превозносят еще и за настойчивые усилия и прилежание, могущие компенсировать нехватку врожденных интеллектуальных способностей или благоприятных социальных условий. И это тоже всего лишь ошибочная романтизация уловки авторитаризма, позволяющей отрицать существование индивидуальных различий и неравенство социальных условий.

Делать акцент на усилиях — удобный для власти способ не брать на себя ответственность за выравнивание поля игры для тех, кто различается по способностям и талантам. Это оправдывает власть в том, что она не обеспечивает создания специальных программ для детей с ограниченными возможностями или родившихся в крайне неблагоприятных социальных условиях. Это также работает как завлекающий маркетинговый ход, побуждающий индивидов соглашаться на гомогенизацию.

Еще восхищенных поклонников поражает то, что китайские школьники совершенно не склонны подвергать сомнению авторитеты и тем более им возражать. Например, Андреас Шлейхер, отстаивая вершинную позицию Китая в рейтингах международной аттестации PISA, отметил, что для китайских школьников гораздо более характерно обвинять в своем провале на тестировании по математике самих себя, а не учителей по сравнению с их ровесниками во Франции¹³. Хотя это и действительно так, Шлейхер не видит, что причина этого кроется в авторитарной культуре, которой свойственно перекаладывать вину с носителя авторитета, в котором никто не отваживается усомниться, на самих школьников. Так обстоит дело и в других авторитарных системах образования; стоит только взглянуть на Россию, Индонезию и Сингапур.

Китайская национальная система образования стяжала высокие похвалы как эффективная система с едиными государственными стандартами, единой государственной программой обучения, решающим контролем успеваемости

¹³ Schleicher A. Are the Chinese Cheating in PISA or Are We Cheating Ourselves? // OECD Education Today. 2013. December 30. <<http://oecdeducationtoday.blogspot.com/2013/12/are-chinese-cheating-in-pisa-or-are-we.html>>.

(вступительные экзамены в колледж) и строго определенным набором «входных ворот», маркирующих переход учащихся с одного уровня на другой¹⁴. Поклонники видят, что каждый китайский школьник имеет ясную и четкую цель, к которой должен стремиться; китайские учителя и родители точно знают, что нужно сделать, чтобы помочь своим школьникам; а правительство точно знает, какие школы хорошо работают. Но восторженные поклонники упускают тот факт, что подобная система образования, представляя собой эффективно работающую машину для внушения того, что — согласно желанию властей — должны усвоить ученики, неспособна поддерживать индивидуальные дарования, культивировать разнообразие талантов и стимулировать способность и решимость творить.

Я написал эту книгу для того, чтобы показать, как Китай, совершенное воплощение авторитарного образования, обеспечивает лучшие в мире результаты тестирования ценой утраты разнообразных творческих и инновационных дарований. Я пытался также показать, насколько трудно уйти от авторитарного мышления, проследив, как Китай целое столетие боролся за реформирование своей системы образования. Цель моего труда — предостеречь Соединенные Штаты и другие западные страны от опасных последствий авторитаризма в сфере образования.

Образование на Западе должно пройти через кардинальные изменения. Если мы собираемся готовить детей к успешной жизни в новом мире, то для этого потребуются сдвиг парадигмы — тот сдвиг, о котором я писал в моей предыдущей

¹⁴ *Tucker M.* (ed.). *Surpassing Shanghai: An Agenda for American Education Built on the World's Leading Systems.* Cambridge, MA: Harvard Education Press, 2011.

книге «Ученики мирового класса: обучение креативных и предприимчивых учащихся»¹⁵. Поскольку традиционная рутинная производственная деятельность и рабочие места переводятся в офшоры и автоматизируются, нам понадобится все больше и больше компетентных на глобальном уровне, творческих, инновационно мыслящих, предприимчивых граждан, которые стали бы создателями рабочих мест, а не искателями их с ограниченным менталитетом наемных работников. Для того чтобы выращивать новые таланты, нам нужна система образования, которая культивировала бы индивидуальные способности, шла за интересами детей и стимулировала их социально-эмоциональное развитие. Нам не нужно авторитарное образование, нацеленное на то, чтобы закрепить в подкорректированном виде недостатки детей в соответствии с предписанными извне стандартами.

Если Соединенные Штаты и весь остальной Запад озабочены тем, что Китай может их обойти, то лучшее решение этой проблемы заключается в том, чтобы самим не превратиться в Китай. Империя, две тысячи лет находившаяся впереди всего мира, в 1800-е годы была сокрушена технологическими и научными инновациями Запада. Ее система образования представляет собой лучшее, но взятое из прошлого. Свыше тысячи лет она прекрасно работала на благо имперских правителей Китая, но перестала работать с возникновением современного мира. А китайская система образования продолжает готовить учеников, превосходно успевающих в ограниченном диапазоне предметов. Только 10% выпускников китайских колледжей оцениваются мировым

¹⁵ *Yong Zhao. World Class Learners: Educating Creative and Entrepreneurial Students. Thousand Oaks, CA: Corwin, 2012.*

бизнесом как пригодные для работы, поскольку у этих студентов не развиты именно те качества, в которых нуждается новое общество¹⁶.

Достижения Китая последних 30 лет не должны становиться для Соединенных Штатов и других западных стран причиной паники, от которой предостерегал более 250 лет назад французский историк Николя Буланже: «Все остатки древних институтов, которыми обладает сейчас Китай, с необходимостью исчезнут; их уничтожат грядущие революции, так же как те из них, которые уже исчезли, уничтожены в революциях прошлого; и в итоге, поскольку ему не нужно ничего нового, он всегда так и будет оставаться проигрывающей стороной»¹⁷.

¹⁶ Farrell D., Grant A. *China's Looming Talent Shortage*. N.Y.: McKinsey and Company, 2005.

¹⁷ Boulanger N. цит. по: Spence J.D. *The Search for Modern China*. N.Y.: Norton, 1990. P. 134.

ГЛАВА 1. ОДУРАЧИВАЯ КИТАЙ, ОДУРАЧИВАЯ МИР: ИЛЛЮЗИИ ПРЕВОСХОДСТВА

Сто лет назад профессора права Колумбийского университета по имени Фрэнк Джонсон Гудноу командировали в Китай для оказания помощи в формировании нового народного правительства. В преклонении и зависти Запада по отношению к сегодняшнему Китаю Гудноу увидел бы одновременно и иронию, и оправдание для самого себя.

В 1911 г. революция, возглавленная д-ром Сунь Ятсеном¹, покончила с двухтысячелетним правлением императоров и провозгласила Китай республикой. Сунь был избран временным президентом, но передал эту должность Юань Шикаю, военному лидеру, в 1912 г. заставившему последнего императора отречься от престола.

Китаю нужна была конституция.

По совету Чарлза Элиота, почетного президента Гарварда и попечителя Фонда Карнеги «За международный мир», китайское правительство искало эксперта, который помог бы разработать проект принципов государственного управления. Из нескольких кандидатов выбрали Гудноу, который и был назначен на трехлетний срок с ежегодным окладом 12 тыс. долл. США. 3 мая 1913 г. он прибыл в Пекин. Хотя его полномочия были только совещательными и он покинул Китай в следующем же году, чтобы принять президентство в Университете Джонса Хопкинса, он разработал два проекта: один в

¹ Сунь Ятсен был студентом alma mater президента Барака Обамы — колледжа Пунахоу на Гавайях.

1913 г. в Китае, а другой в 1915 г. — после своего отъезда.

Основные положения его первого проекта воплотились во временной конституции, вступившей в действие в мае 1914 г. Эта конституция, получившая название «Конституция Гудноу», давала президенту страны неограниченную власть над гражданами Китая «в вопросах международных отношений, войны и мира, назначения и смещения должностных лиц, бюджета и финансов»². Вторая версия конституции, основанная на меморандуме Гудноу 1915 г., практически сделала бы Юань Шикая императором, если бы тот не умер в 1916 г.

Гудноу получил прозвище «застенчивый монархист»; он был подвергнут острой критике за убийство молодой китайской демократии. Карикатура в «Baltimore Evening Sun» изображала его в образе плотника, помогающего президенту Юаню подпилить в основании новорожденную республику и восстановить империю. Он «остался в памяти людей как иностранная марионетка китайского диктатора»³. Гудноу и его защитники заявляли, что им манипулировали, что его советы использовались президентом Юань и его сподвижниками избирательно. Однако он продолжал утверждать, что «монархия больше подходит Китаю, чем республика» в силу ее стабильности и эффективности. Он не считал Китай готовым к народному самоуправлению: «Китайское общество настолько неорганизовано, на-

² Pugach N. Embarrassed Monarchist: Frank J. “Goodnow and Constitutional Development in China: 1913–1915” // Pacific Historical Review. 1973. Vol. 42. No. 4. P. 499–517, 504–505.

³ Embarrassed Meritocrats // Economist. 2012. October 27. <<http://www.economist.com/news/china/21565228-westerners-who-laud-chinese-meritocracy-continue-miss-point-embarrassed-meritocrats>>.

столько несознательно в отношении общих интересов, что почти невозможно установить там парламентское правление, как мы сделали это в Англии, на основе экономического или социального интереса»⁴. Вместо сильного парламента, полагал он, «Китаю нужны постоянное и несменяемое правительство, сильный и независимый президент»⁵.

С тех пор минуло столетие, на протяжении которого Китай несколько раз преображался. Когда к власти пришли коммунисты, первоначальная Китайская Республика отступила на остров Тайвань, имевший статус провинции⁶. В 1949 г. коммунистическая власть взяла под свой контроль большую часть Китая и провозгласила Китайскую Народную Республику (КНР). Тайвань развился в многопартийную демократию; КНР осталась однопартийной (под властью коммунистической партии). Несмотря на то что сегодняшний Китай — т.е. Китайская Народная Республика — не монархия, как предлагал Гудноу, сущность ее абсолютно монархическая. Существенное отличие только одно: монархом является не персона, а партия. У народной республики есть все признаки идеальной формы правления по Гудноу: она сильна, стабильна, постоянна и не зависима от какого бы то ни было

⁴ *Pugach N.* Op. cit. P. 508.

⁵ *Ibid.* P. 506.

⁶ По окончании Второй мировой войны остров Тайвань с прилегающими островами, с 1895 г. принадлежавший Японии, вернулся в состав Китая (Китайской Республики) в статусе провинции. Ныне на острове, помимо правительства Китайской республики (маленькая буква во втором слове названия в российской литературе традиционно отражает непризнанность этого «государства», место которого в ООН в 1971 г. заняла Китайская Народная Республика), действует также администрация провинции Тайвань. — *Примеч. науч. ред.*

значимого, существенного влияния со стороны народа.

Учитывая негативную реакцию, с которой столкнулся в свое время его проект, Фрэнк Гудноу, возможно, не мог бы и вообразить сегодняшнего нарастающего восхищения авторитарным правлением, предложенным им для Китая. К тому же это правление восхваляют не только за то, что оно дирижирует чудесным ростом экономики Китая и создает вторую по величине экономику в мире, но и за то, что оно обеспечивает жизнеспособную альтернативу той модели развития, которой следуют ведущие демократии западного типа⁷. Что же было бы еще труднее вообразить для Гудноу? То, что сегодня существуют граждане США, страстно желающие импортировать китайский стиль управления в Америку.

«СТАТЬ КИТАЕМ НА ОДИН ДЕНЬ»

Томас Фридман, влиятельный колумнист газеты «New York Times», написавший несколько бестселлеров на международные темы, сейчас мог бы быть величайшим поклонником Китая. Не раз он высказывал «фантастическую мечту» о том, чтобы Америка на один день стала Китаем.

Эта идея впервые явилась в качестве названия главы в его книге 2008 г. «Жаркий, плоский, многолюдный. Кому нужна “зеленая революция” и как нам реконструировать Америку»⁸. Затем

⁷ Kurlantzick J. Democracy in Retreat: The Revolt of the Middle Class and the Worldwide Decline of Representative Government. New Haven, CT: Yale University Press, 2013.

⁸ Friedman Th. Hot, Flat, and Crowded: Why We Need a Green Revolution — and How It Can Renew America. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 2008 (Фридман Т. Жаркий, плоский, многолюдный. Кому нужна «зеленая революция» и как нам реконструировать Америку. М.: АСТ, 2011).

он воспроизвел свою мечту о «Китае-на-один-день» на передаче NBC «Встреча с прессой» в мае 2010 г., сказав ведущему Дэвиду Грегори: «Я фантазирую — не поймите меня превратно, — но что, если бы мы могли хотя бы на один день стать Китаем?»

Фридман уверен, что китайский стиль управления таит в себе высочайшую эффективность, — этот же самый пункт использовал столетие назад Гудноу для обоснования предложенной им идеи монархии. Разочарованному неэффективным американским управлением с его скучным двухпартийным препирательством Фридману грезится «китайский день», когда «мы на самом деле смогли бы, вы знаете, внедрять правильные решения, и я думаю, в этом имеется некоторый смысл для всего — от экономики до окружающей среды»⁹. В 2009 г. в колонке «New York Times» он объясняет, почему авторитарный китайский стиль правления лучше, чем американская демократия: «Однопартийная автократия, конечно, имеет свои недостатки. Но когда ею руководит разумная и просвещенная группа людей, как в сегодняшнем Китае, у нее могут быть и огромные преимущества. Эта единственная партия может просто принуждать к политически сложным, но жизненно важным решениям, необходимым для продвижения общества вперед в XXI веке»¹⁰.

Согласился ли бы с этим Гудноу? Он предлагал авторитарное управление для Китая сто лет назад на том основании, что последний не был еще готов тогда к народной демократии. Но

⁹ *Friedman Th.* Hot, Flat, and Crowded... <http://www.nytimes.com/2009/09/09/opinion/09friedman.html?_r=2&>.

¹⁰ *Friedman Th.* Our One-Party Democracy // New York Times. 2010. August 16. <http://www.nytimes.com/2009/09/09/opinion/09friedman.html?_r=2&>.

Фридман, по-видимому, считает авторитарное управление по самой сути предпочтительным в сравнении с народной демократией. И в отличие от Гудноу, обосновывавшего свое предложение целым рядом логических аргументов, Фридман апеллирует к эмпирическим свидетельствам. В трех своих последних книгах (включая «То, что было нами: как Америка окажется позади всего созданного ею мира и как мы сможем вернуться») Фридман предлагает статистику, анекдоты, личные наблюдения и интервью, повествующие о великих достижениях китайского перспективного, дальновидного, мужественного, мудрого, сильного, великодушного — и авторитарного — государства¹¹.

В конечном счете за какие-то 30 лет в Китае валовый внутренний продукт, мерило общего масштаба национальной экономики, вырос тридцатикратно, с 202 млрд долл. США в 1980 г. до более 7 трлн долл. в 2011 г. В 2007 г. Китай превзошел Германию, став третьей крупнейшей экономикой мира¹². Тремя годами позже Китай вытеснил Японию с места второй крупнейшей в мире экономики¹³. Теперь он движется к тому,

¹¹ Вот эти три книги: *Friedman Th. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 2005 (*Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века*. М.: АСТ, 2007); *Friedman Th. Hot, Flat, and Crowded: Why We Need a Green Revolution — and How It Can Renew America* (*Фридман Т. Жаркий, плоский, многолюдный. Кому нужна «зеленая революция» и как нам реконструировать Америку*. М.: АСТ, 2011); *Friedman Th. That Used to Be Us: How America Fell Behind in the World It Invented and How We Can Come Back*. N.Y.: Picador, 2011.

¹² China Passes Germany in Economic Rankings // CNN.com/asia. 2009. January 15. <<http://edition.cnn.com/2009/WORLD/asiapcf/01/15/china.economy/>>.

¹³ China Overtakes Japan as World's Second-Biggest Economy // Bloomberg.com. 2010. August 16. <<http://www.bloomberg.com/>>.

чтобы стать крупнейшей экономикой в мире. Прогнозы варьируются, но в общем ожидается, что Китай превзойдет Соединенные Штаты и в следующее десятилетие станет страной номер один¹⁴.

В 2008 г. Китай ослепил мир летними Олимпийскими играми. Внушающая благоговение церемония открытия, гарантированная синева небес, длинный список иностранных сановных лиц и великолепные условия настойчиво доносили до всех одну-единственную весть: Китай стал мощным игроком на мировой арене. Всемирная выставка World Expo 2010 г., в которой участвовало более 250 стран, стала еще одним экстравагантным событием, продемонстрировавшим преобразившийся и модернизированный Китай. Сейчас в Китае есть самая длинная в мире высокоскоростная железная дорога, третье из сотни самых высоких зданий в мире и сеть высокоскоростных автострад — более крупная, чем в Соединенных Штатах. Он даже (временно) перехватил у Соединенных Штатов звание обладателя самого быстрого компьютера.

«ПЕКИНСКИЙ КОНСЕНСУС»

Томас Фридман не единственный заметил потрясающий рост Китая и приписал его превосходству системы экономического развития. В 2004 г. Джошуа Купер Рамо, в прошлом старейший работник и редактор иностранного отдела журнала «Time», опубликовал через Центр

news/2010-08-16/china-economy-passes-japan-s-in-second-quarter-capping-three-decade-rise.html>.

¹⁴ OECD Report Says China's Economy Will Overtake US Economy by 2016 // International Business Times. 2013. March 22. <<http://www.ibtimes.com/oecd-report-says-chinas-economy-will-overtake-us-economy-2016-1146333>>.

международной политики, базирующийся в Великобритании, программную статью «Пекинский консенсус»¹⁵. У Рамо, журналиста и консультанта, имелся обширный опыт взаимодействия с Китаем. Он обосновывал свои сведения «более чем сотней незадокументированных дискуссий с ведущими мыслителями в китайских университетах, аналитических центрах и правительстве»¹⁶.

Рамо придумал термин «Пекинский консенсус» как прямую антитезу «Вашингтонскому консенсусу» — неолиберальному, в духе рыночного фундаментализма, направлению экономического развития, воспринятому из западной либеральной демократической традиции. Рамо хотел показать, что «Китай находится в процессе формирования величайшей асимметричной суперсилы из всех, что когда-либо видел мир»¹⁷. Он был уверен, что «Китай прокладывает дорогу другим народам мира, пытающимся понять не просто то, как им развивать свои страны, но и то, каким образом так вписаться в международный порядок, чтобы иметь возможность быть по-настоящему независимыми, сохранить свой образ жизни и политический выбор в мире с единственным мощнейшим центром тяжести». Пекинский консенсус, доказывал он, «приходит на смену повсеместно дискредитированному Вашингтонскому консенсусу, экономической теории, прославившейся в 1990-е годы своим инструктивным — “Вашингтон-знает-лучше” — подходом: указывать другим народам, как им вести свои дела»¹⁸.

¹⁵ *Ramo J.C. The Beijing Consensus. L.: Foreign Policy Center, 2004. P. 4.*

¹⁶ *Ibid. P. 2.*

¹⁷ *Ibid. P. 3.*

¹⁸ *Ibid. P. 4.*

Последовал поток публикаций, описывавших рост Китая как глобальной силы, начинающей формировать новый мировой порядок. Главные медийные службы Запада стали заказывать материалы о растущем глобальном влиянии Китая. В 2007 г. в статье «Китай покоряет мир» в журнале «Time» утверждалось, что «своими зарубежными инвестициями и потребностью в сырье самая густонаселенная страна мира уже преобразует экономики стран — от Анголы до Австралии. Теперь Китай превращает это коммерческое могущество в реальную политическую мускулатуру, шагнув на глобальную арену и действуя как страна, очень стремящаяся стать очередной великой силой мира»¹⁹.

В 2008 г. Джошуа Курланчик, специальный корреспондент «New Republic» и приглашенный исследователь Фонда Карнеги «За международный мир», опубликовал статью «Чарующее наступление: как трансформирует мир мягкая сила Китая»²⁰. «Мягкая сила» — это эвфемизм, впервые использованный гарвардским политологом Джозефом С. Наем в его книге 2004 г. «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике»²¹. В противоположность жесткой силе — способности принуждать, мягкая сила — это способность привлекать и убеждать. Жесткая сила проистекает от военной или экономической мощи страны, тогда как мягкая кроется в привлекательности культуры страны, ее политических идеалов и политики.

¹⁹ Elliott M. China Takes on the World // Time. 2007. January 11. <<http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1576831,00.html#ixzzrRl3Z2myN>>.

²⁰ Kurlantzick J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. New Haven, CT: Yale University Press, 2008.

²¹ Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004 (Най Дж.С. Гибкая сила. Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006).

2009 год принес еще один бестселлер, посвященный величайшему китайскому пути: «Когда миром правит Китай: конец западного мира и рождение нового глобального порядка» британского журналиста Мартина Джака²². Последний тоже повосхищался нынешним развитием Китая, а затем сделал несколько шагов дальше, описывая, как Китай нашел свой путь модернизации без вестернизации, и предсказывая, что китайский путь станет более успешной системой в будущем. Подъем Китая, предрекал Джак, закончит с господством Запада.

Следуя линии аргументации Джака, Стивен Халпер, директор американских исследований Кембриджского университета, добавил еще одно свидетельство того, что авторитарное руководство Китая хорошо поработало и продолжит это делать на внутреннем и международном уровнях. В своей книге 2012 г. «Пекинский консенсус: современная легитимация авторитаризма» он утверждает, что в то время, как демократическое правление США, похоже, мешает экономическому прогрессу страны, авторитарное руководство Китая закладывает фундамент будущего экономического успеха²³. Халперу вторит Джошуа Курланчик в своей книге 2013 г. «Отход от демократии: восстание среднего класса и всемирный упадок представительной власти»:

Сегодня Китай — и в меньшей степени другие успешные авторитарные капиталисты — предлагает ведущим демократиям жизнеспособную

²² Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. N.Y.: Penguin, 2009.

²³ Halper S. The Beijing Consensus: Legitimizing Authoritarianism in Our Time. N.Y.: Basic Books, 2012.

альтернативу. Со времен подъема коммунизма и фашизма в 1920-х и начале 1930-х годов их системы различными способами бросают серьезнейший вызов демократическому капитализму. А вследствие глобального экономического кризиса и неудовлетворенности многих развивающихся стран демократией в Азии, Африке и Латинской Америке лидеры гораздо пристальнее изучают китайскую модель — модель, которая в конечном счете способствует подрыву демократии в их странах²⁴.

«ПРЕВЗОЙТИ ШАНХАЙ»

Пока китайский авторитарный капитализм поднимают на щит как образец для развивающихся стран, китайская система образования стала в буквальном смысле объектом поклонения даже на развитом Западе. Томасу Фридману хочется, чтобы Америка побыла «всего один день» Китаем политически, но когда дело касается образования, все большему числу политических лидеров Запада, академиков, реформаторов школы и медийных экспертов хочется стать Китаем навсегда. И если вряд ли — оставив в стороне фантазию Фридмана — все демократические страны Запада в скором времени всерьез позаимствуют китайскую форму правления, то учиться у Китая и делать это на китайский манер уже является мечтой многих западных стран.

Почитайте, например, книгу «Превзойти Шанхай: цели американского образования базируются на ведущих системах мира»²⁵. Марк Та-

²⁴ Kurlantzick J. Democracy in Retreat... P. 120.

²⁵ Tucker M. (ed.). Surpassing Shanghai: An Agenda for American Education Built on the World's Leading Systems. Cambridge, MA: Harvard Education Press, 2011.

кер, директор Национального центра образования и экономики (NCEE), объединил исследовательские силы NCEE для анализа пяти ведущих систем образования в мире: финской, японской, сингапурской, канадской (Онтарио) и шанхайской, избранной представлять Китай. Шанхай заслужил свое место прежде всего результатами тестирования тамошних школьников по Программе международной аттестации учащихся (PISA). PISA, координируемая базирующейся в Париже Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD), замеряет показатели чтения, математики и научной грамотности 15-летних учащихся. Аттестация по этой программе проводится каждые три года, начиная с 2000 г., и стала авторитетнейшей в мире международной образовательной аттестацией. В раунде 2009 г. — с примерно 70 странами-участниками — Шанхай стал первым. Впервые все китайские учащиеся получили аттестацию по программе PISA или какой-либо другой крупномасштабной международной аттестационной программе. Шанхайские школьники показали себя асами по тестам, получив высшие баллы во всех трех категориях, и еще раз повторили это в раунде 2012 г.

Такой безоговорочной победе не стоит удивляться: в менее масштабных сравнительных исследованиях китайские школьники опережают своих ровесников в США и других западных странах уже довольно долгое время. Работавшие в соавторстве психологи Гарольд Стивенсон и Джеймс Стиглер в книге «Разрыв в обучении: почему в наших школах плохо учат и чему мы можем научиться у китайской и японской систем образования» систематически задокументировали великолепное выступление китайских школьников и характеристики их выдающейся

образованности²⁶. Но результаты PISA официально стяжали Китаю титул «лучшая система образования в мире», и эта победа произвела мощный эффект на Западе. Газета «New York Times» сообщала, что выступление школьников из Китая «ошеломило» американских экспертов и политических лидеров²⁷. Став «абсолютным пробуждающим вызовом» для министра образования США Арни Дункана, президенту Обаме оно дало основание вспомнить «момент Спутника» при утверждении, что Китай побил Америку в образовании так же, как бывший Советский Союз побил Америку в космосе. С тех пор как в 2009 г. были обнародованы результаты PISA, Обама постоянно клянется превзойти Китай в эффективности образования, чтобы победить его в конкуренции.

Шанхай — наиболее интеллектуальный городской центр Китая. Может быть, результаты шанхайских школьников были исключением? В 2012 г. тестированию подверглись школьники из девяти китайских провинций. Шеф PISA Андреас Шлейхер, германский статистик, ухитрившийся осуществить ребрендинг этого теста как золотого стандарта образования, намекнул корреспонденту BBC Зину Коплэну о неопубликованных результатах: «Шанхай — исключительный случай, и результаты близки к тому, чего я и ожидал. Но что удивило меня больше всего, так это результаты учеников из бедных провинций, которые оказались по-настоящему хорошими.

²⁶ *Stevenson H.M., Stigler J.W. The Learning Gap: Why Our Schools Are Failing and What We Can Learn from Japanese and Chinese Education. N.Y.: Simon & Schuster, 2006.*

²⁷ *Dillon S. Top Test Scores from Shanghai Stun Educators // New York Times. 2010. December 7. <<http://www.nytimes.com/2010/12/07/education/07education.html?pagewanted=1&r=2>>.*

Уровень устойчивости к внешним факторам просто неправдоподобен». Статья Коплэна, озаглавленная «Китай: самая умная в мире страна?», подвела итог восхвалениям Шлейхера в адрес китайского образования: не только результатам тестирования непривилегированных учащихся может позавидовать любая западная страна, но и в целом «полученные данные показывают, что Китай имеет систему образования, превосходящую аналоги во многих западных странах»²⁸.

Столь выдающаяся система образования определенно заслуживает подражания, в особенности со стороны западных стран, убежденных в том, что они проигрывают битву с Китаем на образовательном фронте. В декабре 2010 г., вскоре после посещения Китая, британский министр образования Майкл Гоув опубликовал в газете «Telegraph» эмоциональный комментарий²⁹. Он рассказывает о своем изумлении, когда ему преподнесли сборник опубликованных исследовательских статей, целиком написанных учениками пекинской школы. «На Дальнем Востоке школы выпускают учеников, работающих на целиком и полностью более высоком уровне, чем у нас», — писал Гоув, побуждая свою страну «осуществить культурную революцию, такую же, как та, которая была в Китае». В завершение своего комментария он заявил: «Подобно Председателю Мао мы вышли в “Великий поход” реформирования нашей системы образования».

Гоув разработал длинный перечень революционных стратегий, таких как удлинение

²⁸ Coughlan S. China: The World's Cleverest Country? // BBC News. 2012. May 8. <<http://www.bbc.com/news/business-17585201>>.

²⁹ Gove M. Michael Gove: My Revolution for Culture in Classroom // Telegraph. 2010. December 28. <<http://www.telegraph.co.uk/education/8227535/Michael-Gove-my-revolution-for-culture-in-classroom.html>>.

школьного дня и сокращение праздников для британских детей. В апреле 2013 г. он обнаружил свою идею и получил мощную поддержку от Белого дома с еще одним напоминанием: «Либо мы начинаем работать так же усердно, как и китайцы, либо мы скоро будем работать на китайцев»³⁰.

Послание британцам: делайте как китайцы, иначе вы рискуете быть побежденными. Джон Холдрен, директор Отдела политики в области науки и технологии Белого дома, в 2001 г. заметил в британской газете «Independent»: «Все смотрят на Китай и говорят: если мы не подтянемся в игре, Китай скоро экономически съест наш ланч»³¹.

«БОЙСЯ ДРУЗЕЙ, ТЕБЕ ЛЬСТЯЩИХ»

Достижения Китая последних десятилетий определенно заслуживают того, чтобы быть признанными, и, конечно, Китай радуется признанию его побед за рубежом. Древнейшая из сохраняющих существование цивилизаций, Китай страдал от унижительных поражений со стороны сил Запада в 1800-е годы и в течение почти двухсот последних лет оставался далеко позади него. Китайская экономика стагнировала. К иммигрантам из Китая относились не лучшим образом и исключали их из мейнстрима во многих западных странах. Основополагающие ценно-

³⁰ Adams R., Shepherd J. Michael Gove Proposes Longer School Day and Shorter Holidays // Guardian. 2013. April 19. <<http://www.theguardian.com/politics/2013/apr/18/michael-gove-longer-school-day-holidays>>.

³¹ Connor S. US Science Chief Warns: “China Will Eat Our Lunch” // Independent. 2011. February 20. <<http://www.independent.co.uk/news/science/us-science-chief-warns-china-will-eat-our-lunch-2219974.html>>.

сти китайской культуры снова и снова ставились под сомнение как китайцами, так и жителями Запада.

Начиная с 1800-х годов Китай подвергался попыткам вестернизации извне религиозными, экономическими, военными и политическими средствами, но все без особого успеха. До совсем недавнего времени Запад усердно экспортировал в Китай свои культурные и идеологические ценности, христианство и свою экономическую и политическую систему. Теперь — совершенно неожиданно — Китай объявили образцом для других благодаря превосходству его политической системы, образования и культуры. И к этим «другим» относятся и влиятельные обитатели Запада.

Неудивительно, что Китай — страна, так долго жаждавшая признания извне, — похвалу со стороны Запада встретил с жадностью. Китайское правительство, падкое на любое свидетельство, подтверждающее его легитимность, тепло приняло комплименты. Хвалебные публикации о Китае сразу же транслировались и публиковались по всей стране, становясь там настоящими бестселлерами. К таким авторам, как Томас Фридман и Мартин Джак — близким друзьям и почетным гостям Китая, правительственные чиновники и националистические медиа отнеслись как к особам королевской крови.

Но стали слышны и голоса сомневающихся. Достойные китайские ученые предостерегали китайцев, чтобы те не оказались «сраженными лестью» западных авторов. В статье «Китай не хочет, чтобы его погубила лесть» Шу Тайфэн, издатель «Oriental Perspectives» (популярного в Китае нового журнала, подобного «Time» или «Newsweek»), объясняет, почему Китаю следует быть настороже:

Чем плохо получать комплименты? Этот вопрос выглядит глупым. Однако если люди, которые вас хвалят, на самом деле не понимают вас, их лесть представляет собой либо результат общих благих намерений, романтическое преклонение как форму самомотивации. Либо может быть и так, что они от вас чего-то хотят и даже склоняют вас пожертвовать ради них собой...

Превозносить Китай стало модным трендом и в самом Китае, и за его пределами. Мотивация разная, но в любом случае «дерево стремится оставаться спокойным, несмотря на непрекращающийся ветер». Если Китай не останется спокойным, у нас закружится голова от этих искренних и не очень искренних восхвалений и мы потеряем ориентиры. И в таком случае лесть становится губительной.

Нашего соседа Японию «погубила лесть». После Второй мировой войны Япония развивалась чрезвычайными темпами и восстановила себя как мощную экономику приблизительно за какие-то 20 лет. В то время люди Запада восхваляли Японию не намного меньше, чем сегодня они льстят Китаю. Американский исследователь Эзра Фогель опубликовал в 1979 г. книгу «Япония как страна номер один: уроки для Америки», где утверждал, что Япония во многих отношениях превзошла США. Несмотря на это, менее чем за десять лет японский экономический пузырь лопнул и страна соскользнула в десятилетия рецессии³².

«ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ РАЗРЫВ»

Проблемы, с которыми сталкивается Китай, остро осознают китайские лидеры и ученые.

³² *Shu Taifeng*. Zhongguo jujue pengsha. Beijing: Zhongguo Gongshanglian Chubanshe, 2011.

«В некоторых сферах Китай наращивает конкурентоспособность, но имеет место очень большой разрыв между Китаем и развитыми странами», — сказал Ян Цзечи, китайский министр иностранных дел, в своих вступительных замечках к книге 2013 г. «США — Китай. Стратегический и экономический диалог»³³. Шу в своей книге ссылается на многочисленные данные в подтверждение того, что, несмотря на три десятилетия ошеломляющего роста, экономика Китая остается волатильной, и не только потому, что держится на хрупком фундаменте с крайне низким доходом на душу населения, но еще и из-за структурных дисбалансов, характеризующихся нарастающим неравенством доходов, растущими массовыми протестами, загрязнением окружающей природной среды и запаздывающим развитием «мягкой силы». «Еще более важным и, возможно, ключевым вызовом является разрыв между политическими и экономическими реформами, — пишет Шу, — даже само направление реформ все еще остается туманным». Обеспокоенный масштабными вызовами, Шу умоляет китайцев оставаться «спокойными, спокойными и еще раз спокойными» и не дать дурачить себя западным авторам, таким как Мартин Джак, понимание Китая которым «очень поверхностно».

Шу Тайфэн не одинок. Его книга была хорошо воспринята и горячо обсуждалась в Китае. Невзирая на содержащийся в ней явно негативный взгляд на Китай, ее опубликовал подконтрольный государственной цензуре издательский дом. Она размещена в Интернете множеством электронных порталов, находящихся под пристальным присмотром властей. Даже государ-

³³ Jiechi Yang. Opening Remarks at the “2013 US — China Strategic and Economic Dialogue”. Washington, DC, 2013. July 7. <http://www.gov.cn/ldhd/2013-07/12/content_2445559.htm>.

ственные медиаресурсы тиражируют мнения, повторяющие взгляды Шу.

Хотя политическая система — чрезвычайно чувствительный предмет в Китае и дебаты о ней обычно замалчиваются, образование обсуждают довольно свободно. И опять-таки, хотя китайцы счастливы, что их школьники показывают более высокие результаты, чем кто-либо в мире, на практике в то, что в этой стране лучшая система образования, в Китае не верит никто. Китайское правительство предпринимает множественные масштабные усилия для реформирования общественного образования. Китайские родители тратят свои жизненные накопления, чтобы отправить детей учиться за океан или в школы западного образца в Китае, а не оставить их в «лучшей системе образования в мире». Система образования всеми признана главной виновницей недостатка в Китае креативных и новаторских дарований и главной проблемой для успешного развития Китая в будущем.

РОКОВОЕ ВЛЕЧЕНИЕ: ПОДЛИННАЯ КИТАЙСКАЯ УГРОЗА

Запад доминировал в мире 200 лет: Британия — в течение XIX в., а США — в XX. На сегодняшний день похоже на то, что в XXI в. будет доминировать Китай, — весьма неудобная перспектива для Америки и других западных стран. Согласно опросу Pew Research Center, проведенному в 2012 г. (см. рис. 1.1 и 1.2), 52% широкой общественности в США были убеждены, что «возникновение Китая как мировой силы — главная угроза для США»³⁴.

³⁴ US public, experts differ on China Policies: public deeply concerned about China's economic power // Pew Research Center.

Рис. 1.1. Процентное соотношение американцев, обеспокоенных военным и экономическим могуществом Китая

Источник: US public, experts differ on China policies / Pew Research Center. Washington, DC. 2012. September 18. <<http://www.pewglobal.org/files/2012/09/US-Public-and-Elite-Report-FINAL-FOR-PRINT-September-18-2012.pdf>>.

В то время как некоторые обеспокоены военной мощью Китая, большинство переживают по поводу его экономической удали. Опрос Pew Research Center выявил, что экономическая мощь Китая тревожит 59% американцев в сравнении с 28% озадаченных его военной мощью. Большинство (62%) американцев видят в Китае конкурента. Большинство опрошенных опечалены тем, что Китаю принадлежит масса американских долговых обязательств (78%), он оттягивает на себя рабочие места американцев (71%) и

2012. September 18. <<http://www.pewglobal.org/2012/09/18/us-public-experts-differ-on-china-policies/>>.

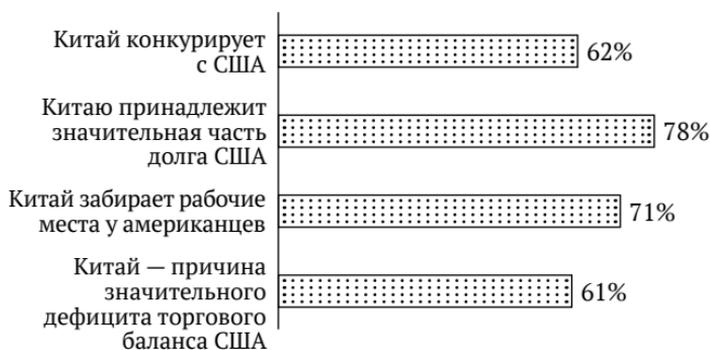

Рис. 1.2. Чем более всего тревожит американцев китайская экономика

Источник: US public, experts differ on China policies / Pew Research Center. Washington, DC. 2012. September 18. <<http://www.pewglobal.org/files/2012/09/US-Public-and-Elite-Report-FINAL-FOR-PRINT-September-18-2012.pdf>>.

является для США причиной огромного торгового дефицита (61%).

До недавнего времени экзистенциальная угроза, которую представляет для Запада китайская модель, не тревожила большинство обитателей западного мира. Но чем больше мы воспеваем Китай как жизнеспособную модель экономического развития, тем бóльшую тревогу по поводу политического влияния Китая на глобальной арене будет ощущать население Запада. В своей статье «Как Китай изменит политическую карту мира» Мартин Джак делает такое предсказание:

Китай имеет вторую крупнейшую в мире экономику. Превзойдя Соединенные Штаты в относительно близком будущем и став крупнейшей экономикой мира, Китай будет оказывать нарастающее глобальное влияние. Между тем Запад — родина западной либеральной демократии — находится в относительном экономи-

ческом упадке. К 2030 г. его доля в глобальном валовом внутреннем продукте будет, согласно одному из прогнозов, составлять только 28% в сравнении с 33% доли Китая и 67%, приходящимися на развивающийся мир. В подобных обстоятельствах политическое влияние Запада обречено на упадок³⁵.

Несмотря на широко распространенную озабоченность подъемом Китая, не похоже, что Китай вторгнется в какую-нибудь другую страну, позволит вовлечь себя в военные конфликты с Западом. Как недавно написал гарвардский политолог Джозеф Най, «вынужденные делить друг с другом глобальные вызовы, такие как финансовая стагнация, киберпреступность, распространение ядерной угрозы и климатические изменения, Китай и Соединенные Штаты много выиграют от совместной работы»³⁶. Экономическая угроза тоже под вопросом. Некоторые экономисты сказали бы, что Китай может принести Соединенным Штатам и Западу больше экономических выгод, чем угроз, — открывая для них свой обширный рынок, предлагая недорогой труд и делая стабилизирующие инвестиции во времена экономического кризиса. Хотя и обидно видеть, как рабочие места уходят в Китай, такова природа экономического развития, и подобный офшоринг стимулирует рождение инноваций и новых отраслей промышленности. Политическая угроза тоже может быть чрезвычайно пре-

³⁵ Jacques M. How China Will Change the Global Political Map // Transatlantic Academy. 2013. March. <http://www.transatlanticacademy.org/sites/default/files/publications/Jacques_GlobalPoliticalMap_Mar13.pdf>.

³⁶ Nye J. (Jr.). China's Rise Doesn't Mean War // Foreign Policy. 2011. January 2. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/01/02/unconventional_wisdom>.

увеличена. Согласно многим аналитикам, Китаю в какое-либо близкое время не победить Соединенные Штаты. «В настоящий момент Соединенные Штаты во многих отношениях сильнее, чем Китайская Народная Республика, — писал Дэниел У. Дрезнер, профессор международной политики в Университете Тафтса. — Всякий, кто говорит вам другое, что-нибудь вам продает»³⁷.

Китай не представляет сильной угрозы. Но такая угроза есть, хотя, однако, исходит она не от Китая или его действий. Угроза исходит от сегодняшней страстной увлеченности Запада китайской системой образования и от действий, которые такие страны, как Соединенные Штаты и Великобритания, предпринимают, чтобы подражать этой системе. Эти действия выдают поверхностное понимание очень древней и сложной культуры, путающее краткосрочные результаты с долговременным устойчивым прогрессом.

Китайское образование авторитарно по своей природе, и так было веками. Дух образования в сегодняшнем Китае рожден двухтысячелетней историей имперских экзаменов. Китайское образование обеспечивает превосходные итоги тестирования — краткосрочный результат, которого можно достигнуть благодаря механическому запоминанию и тяжелому труду, но, как и само китайское правление, оно не формирует самобытных и творческих граждан, новаторских дарований. Провал китайского образования обнаружился уже в 1842 г., когда Китай проиграл первую «опиумную» войну Великобритании. С тех пор Китай всегда пытался учиться у Запада.

³⁷ Drezner D.W. ...And China Isn't Beating the U.S. // Foreign Policy. 2011. January 2. <http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/01/02/unconventional_wisdom>.

Если западные страны успешно воспримут китайскую модель образования и откажутся от собственной образовательной традиции, возможно, они увидят устойчивый рост результатов международных тестирований, но потеряют то, что и создало их современную цивилизацию: креативность, предприимчивость и подлинную самобытность талантливых людей.

Единственный способ для Запада позволить Китаю выиграть глобальное соревнование будущего — это начать учить детей так, как это делает Китай.

Чжао, Юн

- Ч-57 Кто боится большого злого дракона? Почему в Китае лучшая (и худшая) система образования в мире [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Юркевича; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 304 с. — (Библиотека журнала «Вопросы образования»). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1521-1 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1626-3 (e-book).

Ошеломляющие успехи на международной аттестации PISA китайских школьников, из года в год превосходящих учащихся из всех других стран в знаниях по математике, литературе и естественным наукам, сделали Китай одним из мировых лидеров в области образования. Американские педагоги и эксперты считают, что для сохранения лидирующих позиций в образовании и статуса мировой сверхдержавы стране следует взять за образец китайскую систему образования. Действительно, многие реформы, осуществляемые в американских школах, представляют собой подражание китайской системе. Америка след в след идет за Китаем, но стоит ли двигаться в этом направлении?

Чжао Юн, много лет проработавший учителем в Китае, предлагает увлекательный, в чем-то парадоксальный взгляд изнутри на китайскую систему школьного образования и открывает секреты того, как она стала одновременно «и лучшей и худшей» в мире. Он объясняет, как Китаю удается готовить учеников, занимающих первые места в мире по многим дисциплинам, и почему при этом китайские учителя, родители и политические лидеры ненавидят свою систему образования и стремятся отдать своих детей в западные школы. Эта насыщенная увлекательными историями и фактами книга — подробный и отрезвляющий от иллюзий экскурс по китайскому образованию.

УДК 37.01(510)

ББК 74.04(5Кит)

Научное издание

Библиотека журнала «Вопросы образования»

ЧЖАО ЮН

КТО БОИТСЯ БОЛЬШОГО ЗЛОГО ДРАКОНА?

ПОЧЕМУ В КИТАЕ ЛУЧШАЯ (И ХУДШАЯ)
СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В МИРЕ

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

МАРИНА КОВАЛЕВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

ЛЮБОВЬ МАЛИКИНА

Корректор

ОЛЬГА РОСТКОВСКАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 84×108/32

Гарнитура PT Serif. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 11,3

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 2065. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59

ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

id.hse.ru

Уважаемые читатели!

Приглашаем посетить сайт

Издательского дома

Высшей школы экономики по адресу:

id.hse.ru

На нашем сайте вы найдете каталог книг и журналов, информацию о новинках и планах на будущее, отрывки из книг, рецензии и многое другое.

Также на сайте размещена полная информация о том, где можно купить наши книги и как подписаться на журналы.

*Ждем вас круглосуточно,
каждый день!*